

*

В городе лето. В городе где-то
Замерли, вымерли все или вся.
День раскалён; он расплавлен, раздет он,
Жар раздавая и свет привнеся.

Рогом поводит троллейбус ленивый.
Снилось: он – парусник, мчащий к тебе.
Город – не город, а город – огниво,
Для извлечения пекла из тел.

И понимаю. Я всё понимаю,
Воздух печёный, пьянея, ловлю:
Это – мой город. Да кто я такая
Вне этой пыли, вне гнуса, вне лю-

дей, торопящихся спрятаться в камни;
Лета, летящего в Лету; и вне
Всей нелюбви этой? Да и куда мне –
Новорождённой и любящей мне.

*

Не спи, красавица – драконы рядом:
Скребут когтями в золотые двери.
С тобою нету ни любви, ни сладу...
Ни веры.

Полны дурманной темноты покои.
Драконье пламя озаряет плиты:
Все те, что приходили за тобою, –
Убиты.

Гниют пропитанные кровью листья.
В твоём саду – обугленные кроны.
По твою душу падшую и лисью
Идут драконы.

Ирина

КУРТМАЗОВА

*

Снег весну укрывал, опоздавший ни много ни мало
На порядок зимы, оскверняя собою кварталы,

Подворотни и площади – так в середине апреля
Снег её обнимал и, волнуясь, казался метелью.

И стонала весна, истекая истомою вешней.
И сегодня она, как и я, перестала быть прежней.

Я касалась твоих замерзающих рук на Бугринском,
И набухшая Обь подступала отчаянно близко.

Мы стояли с тобой в этом хаосе дня – невредимы.
И наш замкнутый круг принимал очертанья интима.

Всё у нас хорошо – мы с тобою случились на свете.
Пусть апрельский недуг увлекал нас в недужные сети.

И тяжёлые тучи туманом дурманным сочились...
Всё теперь хорошо – мы с тобой друг у друга случились.

*

Расплети мои косы, займёмся зачатием зла –
Я блудницею в этих краях прослыла ещё той.
И с плеча моего так маняще рубашка сползла,
Чтоб тебе, даже вечный, и то – только снился – покой.

Разукрась моё тело укусами, мне не в первой.
Но куда нам до тех, что замучены пытками там,
Где кровавые лица так жадно целуют войной,
Потому что у них ни души не осталось, ни рта.

Прикасайся ко мне, как к последней. Ты мне – позарез.
Мы, устав выживать, улеглись на перину траншей.
Наши звёзды – как бельма у некогда зрячих небес,
А с земли это кажется в тысячу страхов страшней.

И, по-пёсьи, мы лижем друг друга, вину теребя –
Ту, что взяли за тех, кто не верит в любовь или рай.
Обними меня так, чтобы я умерла за тебя.
Поцелуй меня так, чтобы было легко умирать.

*

Приходи в мою падь – мы с тобою забыли,
Как особенно нежно в безлюдии нам.
Я умою тебя не водой, а кобыльим
Молоком, чтоб стекало оно по губам.

И я буду лизать с твоих губ, как младенец,
Принимая молчание их – за ответ.
Повенчают нас звёзды обеих медведиц,
Завершая оргазмы парадом планет.

А священное озеро впадется в недра
Наших душ, вымывая притихшее зло.
И нависнут над нами могучие кедры,
Как огромное, чёрное чьё-то крыло,

Что укроет от самого страшного сглаза,
Посвятив нас, уставших, в таёжные сны.
Приходи в эту ночь – ты почувствуешь сразу,
Как давно мы и жадно друг другу нужны.

Потому – не тяни! Мы так долго блуждали.
Время сбора разбросанных нами камней.
Пусть уходят чужие, которые ждали
Недостаточно сильно. Иди же ко мне.

*

Пришла – нежна;
тиха, как хворь смертельная.
Ну что, княжна,
менять бельё постельное?
Стелю шелка –
цветов морского бедствия.
Целуй, пока
мы молоды и женственны.
Как пахнет ночь
тоскою молочайною,
чтоб не дышать...
Случайно ли мне хочется
(слова не в мочь –
молчала и молчала бы)
с тобой молчать?
Но снова, как пророчество,
мой стих – как стон! –
слетевший с губ искусанных,
сорвался в стол...
Любовницей искусною
пришла – нежна –
в мой дом; как горе – бледная...
Люби, княжна,
до самого победного!